

ФИЛОСОФИЯ | PHILOSOPHY

УДК 1(091)

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.10

5.7.2

Метафорические основания сообщества: историко-философский анализ

Мария Александровна Ромашенко

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.,
Саратов, Россия, mariroma14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-4017>

Аннотация. В статье исследуется процесс деконцептуализации понятия «сообщество» в современной философской мысли. Автор показывает, что традиционные определения сообщества теряют объяснительную силу под влиянием виртуализации социальных отношений и экспансии цифрового информационного пространства. В этих условиях становится важным не столько поиск новой универсальной дефиниции, сколько анализ фундаментальных образных структур – метафор, через которые сообщество исторически осмысливалось и конституировалось. Обосновывается тезис о стигматической природе сообщества, когда его сущность раскрывается не через формальные признаки или институциональные границы, а через переживание сопричастности общему экзистенциальному «знаку» (стигме), который предшествует любой организации и делает ее возможной. В качестве методологического инструмента анализа предлагается обращение к метафорическим репрезентациям, позволяющим визуализировать невыразимый опыт совместности. Выделяются три основные метафорические парадигмы, сменявшие друг друга в истории философской мысли. Органическая парадигма уподобляет сообщество живому телу или организму, где источником солидарности выступает естественная взаимозависимость частей. Механистическая парадигма мыслит сообщество как искусственно сконструированный механизм, прочность которого обеспечивается рациональным проектом и подчинением общему правилу. Мистическая парадигма описывает сообщество как причастие к трансцендентному источнику, где связь между членами коренится в общем посвящении и эзотерическом знании. В заключение рассматривается трансформация этих метафор в условиях цифровой реальности: современные сетевые сообщества предстают как гибридные образования, сочетающие органическую спонтанность, алгоритмическую механистичность и поиски цифрового «сакрального».

Ключевые слова: сообщество, метафора, стигма, деконцептуализация, органическая метафора, механистическая метафора, мистическая метафора, солидарность

Для цитирования: Ромашенко М. А. Метафорические основания сообщества: историко-философский анализ // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 108–118. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.10.

The Metaphorical Foundations of Community: A Historical-Philosophical Analysis

Maria A. Romaschenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia,
mariroma14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-4017>

Abstract. The article examines the process of deconceptualization of the notion of “community” in contemporary philosophical thought. The author demonstrates that traditional definitions of community are losing their explanatory power under the influence of the virtualization of social relations and the expansion of the digital information space. Under these conditions, it is not so much the task of seeking a new, universal definition that becomes crucial, but rather the analysis of the fundamental figurative constructs – metaphors – through which a given community has historically conceptualized and defined itself. The thesis of the stigmatic nature of community is substantiated, whereby its essence is revealed not through formal features or institutional boundaries, but through the experience of sharing a common existential “sign” (stigma) that precedes and enables any form of organization. As a methodological tool of analysis, the author proposes turning to metaphorical representations that allow for visualizing the inexpressible experience of togetherness. Three main metaphorical paradigms that have succeeded each other in the history of philosophical thought are identified. The organic paradigm likens community to a living body or organism, where the source of solidarity is the natural interdependence of parts. The mechanistic paradigm conceives of community as an artificially constructed mechanism, whose stability is ensured by a rational project and submission to a common rule. The mystical paradigm describes community as participation in a transcendent source, where the bond between members is rooted in shared initiation and esoteric knowledge. In the final section of the paper, the author examines the transformation of these metaphors in the context of digital reality: contemporary networked communities appear as hybrid formations combining organic spontaneity, algorithmic mechanicity, and the search for the digital form of the “sacred”.

Keywords: community, metaphor, stigma, deconceptualization, organic metaphor, mechanistic metaphor, mystical metaphor, solidarity

For citation: Romaschenko MA. The Metaphorical Foundations of Community: A Historical-Philosophical Analysis. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(2):108-118. (In Russ.). DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.10.

Введение

В современных философских, антропологических и социологических дискурсах все отчетливее прослеживается тенденция, заключающаяся в проблематизации самого понятия «сообщество». Традиционный концепт, веками служивший опорой для описания форм человеческой совместности, сегодня, как представляется, утрачивает свою референциальную устойчивость и герменевтическую продуктивность, превращаясь в пример своеобразной деконцептуализации. Этот процесс, будучи инспирированным радикальной трансформацией социальной ткани, происходящей под влиянием усиливающейся виртуализации общественных отношений и экспансии цифрового информационного пространства, мало изучен.

Дж. Агамбен описывает этот «коперниканский» поворот с присущей ему радикальностью: «...если бы люди не искали свою идентичность в индивидуальности, ставшей чуждой и бессмысленной формой, а вместо этого им удалось бы приобщиться к этому несобственному – несобственному как таковому, и им удалось бы превратить свое бытие-такое не в идентичность и не в индивидуальные особенности, а в единичное, лишенное какой-либо идентичности, в единичность совместную и абсолютно экспонированную, то есть если бы люди смогли быть не своими так, образующими ту или иную биографическую идентичность, но быть лишь этим “так”, своей экспонированной уникальностью, своим собственным лицом, тогда, возможно, человечество впервые приблизилось бы к сообществу без предпосылок и без субъектов, к общению, в кото-

ром уже нет несообщаемого» [Агамбен 2008, с. 61]. Будущее возможное сообщество у Дж. Агамбена – это не союз носителей общей идентичности, а совместное бытие тех, кто являет свою «экспонированную уникальность», не присваивая ее как собственность. Это сообщество без субъектов и без несообщаемого, где само присутствие есть чистая коммуникация. В эпоху тотальной идентификации и культа индивидуальности эта мысль революционна: освобождение мыслится не как обретение подлинного «Я», а как выход из любой идентичности в совместную непринадлежность.

Таким образом, определения сообщества, бывшие доминантными еще в конце XX века, стремительно теряют свою объяснительную силу перед лицом новых, сетевых форм коллективности, что актуализирует не столько поиск новой окончательной дефиниции, сколько анализ тех фундаментальных образных структур, метафор, через которые сообщество исторически осмысливалось и конституировалось. Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбен и М. Бланшо проблематизируют стигматическую логику. Нанси с его концепцией «непроизводимого сообщества» и Агамбен с идеей «грядущего сообщества», основанного на единичности без идентичности, предлагают мыслить сообщество вне стигматической логики исключения и наделения знаком. Однако, чтобы понять этот поворот мысли о сообществе, прежде всего необходимо взглянуть на него метафорически, как это происходило в истории философии до XX века. Эти метафоры, выступая в роли стигматов коллективного опыта, указывают на глубинные источники солидарности и сопричастности, которые можно использовать даже в условиях деконцептуализации привычных формальных понятий.

Материалы и методы

Исходным пунктом для понимания метафоры сообщества может служить его внутренняя связь с коммуникацией, раскрываемая через этимологию. Сообщество (со-общение) коренится в акте диалогического обмена, выступающем его перформативным основанием. Если «общество» (общение) часто предстает как результат институционализации, стратификации и объективации связей, то «сообщество» сохраняет черты потенциальности, незавершенности и живой процессуальности, будучи возможностью общества, его эмбриональным, насыщенным многообразием контекстов состоянием. Именно в этом качестве оно, проходя через процедуры регламентации, в том числе речевой, способно «перерасти» в общество.

Классическую формулировку этого различия между двумя модусами социальности дал Ф. Тённис. Социальная связь (*Verbindung*), по его мысли, понимается «либо как реальная и органическая жизнь – в этом состоит суть общности, – либо как идеальное и механическое образование – таково понятие общества» [Тённис 2002, с. 9]. Это противопоставление непосредственно предвосхищает и задает логику ключевых метафорических парадигм, которые будут рассмотрены ниже.

Сообщество стигматично по своей природе, поскольку его коммуникация коренится в сопричастности. Стигматическая сущность сообщества означает его понимание через источник солидарности и единения. В большинстве работ, описывающих социальную стигматизацию, отмечается негативный характер данного явления; например, М. М. Азимова прямо указывает: «Термин “стигма” обозначает взаимоотношения между нормальными членами общества и теми людьми, которые имеют отличительные особенности, и эти особенности становятся клеймом преимущественно отрицательного характера» [Азимова 2021, с. 31]. Источником такой интерпретации становится идея И. Гофмана о том, что стигма возникает как расхождение между виртуальной социальной идентичностью (тем, каким индивид должен быть в глазах общества) и его актуальной социальной идентичностью (тем, кем он является на деле). Именно это несоответствие становится основанием для «клеймения» [Гофман 2001].

Однако, развивая тезис о стигматичности как сущностной черте сообщества, необходимо углубиться в онтологические основания этого феномена. Стигматичность (*греч.* *στίγμα* – укол, метка, рана) здесь понимается не в узком социологическом смыс-

ле негативного клеймения, но в его исконном, феноменологическом значении – как наличие разделяемого невидимого знака, который конституирует саму возможность «бытия-вместе». Это свойство сообщества подчеркивает и А. Ямпольская, которая пишет: «...*бытие-вместе* (*être en commun*) и есть то, из чего следует исходить, если мы хотим схватить сущность человеческого. Мы *всегда уже* вместе с другими, и эта принадлежность бытию-вместе, эта “онтологическая социальность” лежит в основе принадлежности к любому конкретному сообществу. Таким образом, принадлежность к сообществу укоренена не в разделенной идентичности, не в разделенном нарративе, не в общей судьбе; напротив, идентичность, история, судьба могут стать общими только благодаря этой онтологической социальности» [Ямпольская 2021, с. 349–350; курсив источника].

Здесь уместно вспомнить и о мистико-религиозном понимании стигматов или стигм, которые есть проявление субъективного переживания слияния «я» христианина с «Я» Христа. Так, описанный мистический опыт блаженной Анджелы являет собой пример предельного «транспонирования» крестных мук Христа в плоть и дух созерцающего. При взгляде на Распятого она переживает реальное пронзение собственного естества, достигая той грани личностного единения, где уже невозможны различия: «Ты – Я, а Я – ты» [Карсавин 1997, с. 167].

Этот предельный опыт слияния с сакральным источником обнаруживает то, что в более общем и часто менее драматическом виде составляет самую суть стигматической природы сообщества. Этот знак есть след события приобщения к общему источнику, оставляющий экзистенциальный отпечаток, формирующий внутреннюю, часто невербализуемую солидарность. Это констатирует и М. Бланшо: «Сообщество... тяготеет к причастности, даже к слиянию, то есть сплавлению, в котором различные элементы становятся чем-то единым, сверхличностью, вынужденной отвечать на те же возражения, что и сознание простой личности, замкнутой в своей имманентности» [Бланшо 1998, с. 9].

Традиционные подходы, описывающие сообщество через совокупность формальных признаков, фиксируют лишь его внешние, объективированные границы. Они отвечают на вопрос: «Как сообщество устроено?», но не на вопрос: «Как оно существует и переживается?» Стигматический подход смещает фокус с формальной структуры на модус совместного бытия. В этом контексте суть сообщества постигается не через анализ его устава, а через феноменологию разделяемого опыта, т. е. того самого «укола», который предшествует организации и делает ее возможной. Как отмечал Жан-Люк Нанси, размышляя о «непроизводимом сообществе», его основа – не слияние в единую тотальность, а «бытие-к-другому», разделение конечности и опыта. Именно это разделение опыта «укола» и создает стигматическую связь. Ж.-Л. Нанси пишет: «Сообщество... – это не только близкое общение его членов между собой, но еще и органичная общность самого сообщества со своей собственной сущностью. Оно не только конституировано как справедливое распределение целей и благ или удачное равновесие сил и авторитетов, а, прежде всего, создано из разделения, распространения и усвоения идентичности во множественности, каждый член которой самоидентифицируется только через дополнительное опосредование своей идентификации живому телу сообщества» [Нанси 2009, с. 36].

К. В. Дроздов, анализируя идеи Дж. Агамбена, развивает эту мысль: «Сообщество в этом смысле – это “событие бытия”, которое, будучи явлено, приостанавливает действие классического философского инструментария, поскольку требует либо со-участия в событии, причастности сообществу, либо призывает к воздержанию от суждений, к некоторому «молчанию», вслушиванию в невыразимое, в смысл» [Дроздов 2009, с. 173]. Эта принципиальная событийность и невербализуемость сообщества объясняет, почему формальные дефиниции неизбежно упускают его суть, а также почему на протяжении истории философии ключевую роль в его осмыслении играли не строгие понятия, а метафоры. Именно метафоры позволяют удержать то, что ускользает от дис-

курсивного схватывания: саму стигматическую связь, данную лишь в переживании и ускользающую от однозначной концептуализации.

Процесс формирования стигмы можно проследить в нескольких взаимосвязанных моментах. Первичным является событие инициации, или «укола», т. е. акт приобщения к общему источнику, будь то интеллектуальное озарение, коллективная травма или обращение. Это переживание носит характер лично значимого события, переводящего индивида в статус причастного. Впоследствии стигма поддерживается не как статичный знак, а как постоянно воспроизводимая память об этом «уколе». И в этом смысле ритуалы, от литургии до онлайн-челленджей, служат перформативным повторением исходного события, обновляя чувство сопричастности. Наконец, стигматическое сообщество вырабатывает свой язык, например набор понятий, метафор, мемов, который выступает шифром, маркирующим «своих». Этот язык для посвященного – прямая отсылка к разделяемому опыту, а для чужого – лишь непонятный жаргон.

Виртуализация сообщества не отменяет стигматическую логику, но радикально трансформирует ее материальный носитель – цифровая среда создает дематериализованные, реплицируемые и вирусные стигмы. Хештег, например, функционирует как чистый, нематериальный знак принадлежности к событию или дискурсу, становясь актом цифровой инициации и солидарности, а вирусный мем, понятный только определенной группе, выполняет все функции стигмы: он является следом культурного «укола», разделяется через репост как ритуал и служит мгновенным опознавательным знаком. Алгоритмы социальных сетей, анализируя цифровые следы, фактически картографируют стигматические принадлежности, автоматически включая человека в «воображаемые сообщества» на основе поведенческих данных.

Таким образом, стигматичность сообщества предстает как его экзистенциальное условие. Понимание сообщества через эту призму позволяет преодолеть тупик деконцептуализации, где распад формальных определений компенсируется признанием живого, процессуального характера стигматической связи. Сообщество оказывается перформативным процессом постоянного воспроизводства разделяемого «знака». Современная виртуализация, порождая новые, гибридные формы стигм, не упраздняет саму природу сообщества, а раскрывает ее изначальную укорененность в механизмах сопричастности.

Результаты и их обсуждение

Понимая сообщество как стигматическое образование, т. е. как форму коллективности, укорененную не в формальных признаках, а в переживании сопричастности общему экзистенциальному «знаку», можно получить ключ к интерпретации тех образных структур, которые на протяжении истории философии использовались для его описания. Эти метафоры не являются лишь риторическими украшениями, напротив, они выступают концептуальными попытками визуализировать саму природу стигматической связи, дать ей форму и объяснение в понятиях, доступных конкретной исторической эпохе. Каждая из таких метафор, по сути, предлагает свой ответ на фундаментальные вопросы: каков источник той внутренней силы, что порождает сообщество, и в чем заключается природа солидарности, скрепляющей его членов?

Исторически, в зависимости от доминирующей картины мира, на первый план выходили разные образные парадигмы, которые можно свести к трем основным типам: органическим, механистическим и мистическим. Каждый из этих типов метафор артикулирует стигматическую общность особым образом: либо как естественно растущее тело, либо как искусственно собранный механизм, либо как духовное единство, превосходящее материальную разделенность. Таким образом, переход от абстрактной категории стигмы к конкретным метафорическим репрезентациям позволяет увидеть, как невыразимый напрямую опыт сопричастности обретал культурно-историческое воплощение и концептуальное оформление в философской мысли, определяя способы осмысления социальных связей от Античности до современности.

Наиболее древний и интуитивно понятный пласт образов связан с уподоблением сообщества живому организму, апеллирующим к естественности, целостности и взаимозависимости частей. Классическими примерами, используемыми для описания коллективного труда, служат муравейник или улей. Ф. Бэкон активно использует эти метафоры, описывая сообщества эмпириков, рационалистов и подлинных философов в сравнении с муравьями, пауками и пчелами соответственно [Бэкон 1938, с. 78]. Органическая метафора пчелиного роя служит у Бэкона легитимации нового типа сообщества: коллективного, эмпирико-рационального, ориентированного на прирост знания. В противовес схоластической замкнутости и чистому эмпиризму, пчела символизирует трансформацию природы культурой, что вполне соответствует ренессансному представлению об искусстве как продолжении природы. Образы насекомых становятся не просто иллюстрациями, но концептуальными схемами, которые позволяют переосмыслить природу социальной организации знания, формирования нового сообщества.

Особую продуктивность в истории осмысления сообщества демонстрируют метафоры тела и телесности, выходящие далеко за рамки простой аналогии. Эта концептуальная модель, пронизывающая западную мысль, подразумевает не просто сходство, но онтологическое тождество сообщества с живым организмом, что влечет за собой целый комплекс взаимосвязанных смыслов: иерархию, функциональную специализацию, органическую солидарность, а также парадигмы здоровья, болезни, роста и упадка.

Наиболее мощное и двусмысленное развитие эта метафора получает в христианской средневековой теологии и политической теории в концепции «мистического тела». Первоначально этот термин относился к евхаристическому телу Христа, но к XII–XIII векам происходит знаковая трансляция: «мистическим телом» начинают называть саму Церковь как сообщество верующих, главой которого является Христос. Это тело не физическое, но реальное в сакральном смысле. На это указывает и Ж. Дюби: «Unanimiter, единодушно... Чтобы дисциплина была посильной, чтобы неравенство можно было терпеть, нужно внушить веру в то, что в христианском обществе – как между родителями и детьми, как между стариками и молодыми, как во всех общинах, в монастыре и во дворце, в деревне и в солдатском отряде – любовь соединяет сердца. Concordia. (Согласие, буквально – единство сердец.) Одно сердце. Одно тело, все члены которого сотрудничают друг с другом. Эта метафора есть у апостола Павла» [Дюби 2000, с. 72]. Солидарность в таком теле обеспечивается не договором, а органической функциональностью и служением общему благу, направляемым главой или разумом. Здесь сообщество через стигматизацию, через переживание единого опыта становится наиболее явным. Это сообщество – как сопричастие одному чувству, поэтому болезнь любой части (мятеж, коррупция, неисполнение долга) угрожает всему организму распадом единства, отторжением, что оправдывает необходимость иерархии, дисциплины и «врачевания».

Эта органическая логика достигает своего предельного светского и институционального воплощения в понятии «корпорация». Корпорация (от лат. *corpus* – тело) – это юридическое лицо, признаваемое законом как единый, целостный «организм», способный владеть собственностью, заключать договоры, нести ответственность. Она наследует все атрибуты метафоры тела: единство из множества членов, собственное «благо» (интерес), внутреннюю организацию (иерархию) и способность к самовоспроизводству. Гильдии, монашеские ордена, университеты, а позднее акционерные общества и нации-государства мыслились и функционировали как корпорации. В работе Э. Канторовича «Два тела короля» блестяще показано, как средневековая политическая теология создала доктрину о «двух телах» монарха: его смертном физическом теле и бессмертном «политическом теле», воплощающем собой корпоративную целостность государства [Канторович 2015].

Источник солидарности в рамках этой метафоры носит предискурсивный, субстанциональный характер. Это не добровольный выбор, а естественная принадлежность к

целому, подобная связи органа с организмом. Сила, порождающая и удерживающая сообщество, мыслится как витальная, жизненная сила самого социального организма, подобно *conatus* Спинозы, выраженному в шестой теореме первой части его «Этики»: «Всякая вещь, насколько от нее зависит, стремится пребывать в своем существовании (бытии)» [Спиноза 1957, с. 463].

Таким образом, органическая метафора предлагает мощный холистический образ сообщества как единой жизни, превосходящей сумму индивидуальных существований; она легитимирует иерархию через апелляцию к естественному порядку, объясняет солидарность через функциональную взаимозависимость и задает рамки для мышления о кризисе и развитии сообщества. Эта метафорическая парадигма, несмотря на всю критику со стороны механистического и индивидуалистического мировоззрений, остается глубинным, часто нерелексируемым основанием для понимания таких феноменов, как «национальное тело» или «корпоративный дух».

Второй тип метафор возникает как прямая мировоззренческая и методологическая альтернатива органицизму, знаменуя собой принципиальный сдвиг от образов природы к образам техники и искусства. Если органическая модель черпала свои аналогии из царства живого, уподобляя сообщество телу или улью, то новая, механистическая парадигма начинает описывать социальное целое через артефакты, такие как механизм, часы, корабль или архитектурное сооружение. Этот переход отражает более глубокую метафизическую трансформацию, когда сообщество мыслится уже не как естественно выросший организм, чья жизнь предзадана, а как искусственно сконструированное устройство, чья целостность и работоспособность являются результатом разумного проекта, точной сборки и подчинения внешнему алгоритму.

Гносеологическим основанием для такого уподобления послужила научная революция XVII века с ее картезианским разделением мира на мыслящую и протяженную субстанции. Распространение механистической картины на социальную сферу стало возможным благодаря представлению о сообществе как о системе, которую можно разложить на простейшие элементы, чтобы затем собрать заново согласно рациональным чертежам.

В этой логике стигматизация сообщества происходит уже не через сопричастность тайне жизни, но через общее, добровольное подчинение единому, ясно сформулированному закону или правилу. Источником солидарности становится, таким образом, не экзистенциальное переживание общей судьбы, а акт рационального согласия с принципами конструкции, где «уколом», маркирующим принадлежность, выступает сам факт принятия этих правил.

Классические образы, воплощающие эту парадигму, исторически сменяли и дополняли друг друга, отражая развитие самого понятия искусственного порядка. Средневековый мотив сообщества как шахматной доски, где каждая фигура обладает строго предписанным статусом и траекторией, демонстрировал идеал механистической иерархии еще до расцвета механики как науки. Более древний и устойчивый образ корабля, борющегося с хаосом морских стихий, переносил акцент на искусность архитектора, умение кормчего и дисциплинированное исполнение функций каждым членом экипажа, рисуя сообщество как целесообразное сооружение во враждебном окружении. Апофеозом же этой логики стал ключевой образ Нового времени – часовой механизм, чья слаженная работа обеспечивается жесткой кинематикой шестеренок и единой пружиной, предлагая идеал саморегулирующейся системы, прозрачной для разума и полностью контролируемой.

Эта метафорическая эволюция находила свое прямое выражение и в языке, и в правовых формах. Латинское понятие «коллегия» (*collegium*), этимологически восходящее к идее «со-законности», стало вербальным и институциональным воплощением механистического принципа. Коллегия – это уже не тело (*corpus*), с которым рождаются, а договорное объединение, в которое вступают, сознательно принимая его устав.

Механистические метафоры принципиально переносят источник социальной солидарности из области естественной, почти биологической необходимости в область искусственного, рационального конструирования и добровольного подчинения правилу. Прочность сообщества начинает измеряться не здоровьем организма, а точностью, эффективностью и бесперебойностью работы механизма. Эта парадигма не только легла в основание современной теории правового государства и бюрократии, но и с новой силой проявляется сегодня в цифровую эпоху, где солидарность все чаще строится не на эмоциональной привязанности, а на подчинении общему протоколу, алгоритмической логике и правилам платформы, являя собой прямое продолжение многовековой традиции мыслить порядок как артефакт. Подобную мысль можно найти и в работе Н. Н. Плужниковой и Н. Р. Саенко: «Информационная культура постиндустриального общества, трактуя человека как единицу, в равной мере принадлежащую как миру биологическому, так и миру технико-технологическому, опирается на множественные паттерны машинно-антропной аналогизации, корни которых уходят в исторический генезис анатомии и физиологии тела человека, физиологии его высшей нервной деятельности и т. п.» [Плужникова, Саенко 2024, с. 57].

Третий тип метафор, мистический, представляет собой наиболее радикальный выход за пределы привычных объяснительных моделей, предлагая осмыслить сообщество не через аналогии с природой или машиной, а через призму приобщения к реальности принципиально иного порядка. Если органическая метафора апеллирует к имманентной жизненной силе, а механистическая – к рациональному конструированию, то мистическая устремлена к трансцендентному источнику, который не подчиняется законам ни естественного роста, ни технической сборки. В ее основе лежит представление о том, что подлинная общность рождается из совместного участия в сакральном, из разделяемого прикосновения к тайне, лежащей за гранью видимого мира и дискурсивного разума.

Стигматизация здесь приобретает характер посвящения: «знак» сообщества – это не функциональная роль в организме или механизме, а невидимая печать, налагаемая духовным опытом или эзотерическим знанием, доступным лишь избранным. Источником солидарности в рамках этой парадигмы выступает не функциональная взаимозависимость и не договор, а экстатическое или гностическое преодоление индивидуальной ограниченности через причастность к высшему единству – Мировому Духу, Божественному Логосу, Абсолютной Идее или космической гармонии. Связь между членами такого сообщества мыслится как онтологически более фундаментальная, чем все земные различия, она коренится в предвечном плане или в откровении, которое открывает изначальное родство душ. Это делает солидарность не инструментальной, а сотериологической – она направлена не на выживание или эффективное управление, а на спасение, просвещение или возвращение к изначальной целостности.

Ярким историческим прототипом такого сообщества выступает пифагорейский союз, представлявший собой не просто философскую школу, но религиозно-этическое братство, спаянное культом личности Учителя и мистикой чисел. Пифагор воспринимался не как передатчик знания, а как божественный посредник, открывающий доступ к скрытой математической структуре Космоса. Как писал Ямвлих, «никто из пифагорейцев не называл Пифагора по имени: при жизни, если они хотели упомянуть его, они называли его “божественный”, а после смерти они говорили о нем “тот муж”» [Ямвлих 2002, с. 142]. Их общность держалась на строгой дисциплине, ритуальных практиках и совместном изучении числовых закономерностей как ключа к мировой гармонии, что превращало их в закрытое сообщество посвященных, отмеченных особым знанием.

В Средние века и Новое время эта логика находит воплощение в монашеских орденах, гильдиях с их покровителями-святыми и, особенно, в масонских ложах. Последние представляют собой совершенный пример сообщества, целиком построенного на мистической метафоре. Его единство создается не кровными узами или гражданским договором, а системой сложных ритуалов инициации, символической архитектурой

градусов и разделением эзотерического знания, доступного лишь в мере посвящения. Солидарность здесь – это объединение «посвященных» против «профанов» ради поиска духовного света и работы над «диким камнем» собственной природы.

Мистическая метафора описывает сообщество как теургический или гностический коллектив, чья внутренняя сила проистекает из общего источника откровения, а структура воспроизводит иерархию посвящения в тайну. В современном мире отголоски этой парадигмы можно обнаружить в сообществах, построенных вокруг общих духовных исканий, эзотерических учений или даже в определенных аспектах фанатских культур, где сакрализуется некий медийный текст или фигура, а причастность к их глубинной интерпретации становится знаком избранности. Обнаружение подобной метафоры позволяет утверждать, что потребность в трансцендентном основании единства, в сакральной стигме, маркирующей «своих», остается мощным импульсом в человеческом стремлении к сообществу даже в наиболее секулярные эпохи.

Таким образом, осмысление метафорических репрезентаций сообщества – органических, механистических, мистических – позволяет не просто каталогизировать исторические образы, но и выявить те устойчивые стигматические основания, на которых строится переживание сопричастности. Эти метафоры, выступая фундаментальными схемами мысли, предопределяют понимание источника солидарности, будь то естественная телесность, разумный закон или духовное причастие. Однако в эпоху глобальной виртуализации и сетевой коммуникации происходит не отмена этих архетипов, а их сложная гибридизация и трансформация, требующая нового концептуального усилия.

Современные цифровые платформы и социальные сети, становясь основным пространством для формирования сообществ, активно эксплуатируют и модифицируют классические метафоры. Органическая метафора проявляется в идее «цифрового организма», где алгоритмы, подобно природным инстинктам, регулируют потоки информации и формируют «естественные» ленты контента, способствуя возникновению нишевых, «племенных» групп, объединенных общими интересами или аффектами. Медиaprостранство в таком ракурсе, по словам Е. В. Листвиной, действительно уподобляется природе: его бескрайность и тотальность «делает этот феномен близким по характеристикам к природе, за границы которой человек выйти не может и непрерывно постигает ее, в то же время до конца не овладевая ею. Так же, как и к природе, к дигитальному пространству, которое постепенно становится территорией, то есть последовательно осваиваемой, обживаемой, сигнифицируемой, социум пока применяет методы, определения, способы изучения, применявшиеся к природе, фиксируя, маркируя и структурируя ее» [Листвина 2019, с. 79]. И в таком ракурсе солидарность здесь часто носит характер биологического притяжения к «своему», усиливаемого персонализированными рекомендательными системами. При этом, как отмечал М. Маклюэн, исследуя воздействие медиа, «средство коммуникации само является сообщением» [Маклюэн 2003, с. 9], что означает: технологическая платформа (как «органическая» среда) уже формирует тип сообщества, в ней возникающего.

Механистическая метафора находит свое воплощение в абсолютной власти протокола, кода и пользовательского соглашения. Сообщества в децентрализованных сетях, крипто-проектах или даже в рамках строго модерлируемых форумов существуют по законам, установленным не человеком, а архитектурой системы. Их солидарность – это солидарность участников, подчиняющихся единому, прозрачному и безличному алгоритмическому порядку, что является прямой реинкарнацией идеи «коллегии» в ее цифровом виде.

Мистическая метафора оживает в феноменах, связанных с погружением в виртуальные реальности, созданием цифровых аватаров и участием в нарративах, предлагающих коллективное причастие к иному, «возвышенному» опыту. Сообщества геймеров в массовых многопользовательских онлайн-играх, участники VR-церемоний или коллективные практики в метавселенных часто строятся на общих ритуалах, символическом

языке и переживании трансценденции обыденного «Я», что напрямую перекликается с практиками исторических эзотерических союзов.

Выводы

Таким образом, деконцептуализация традиционного понятия сообщества оказывается не его концом, а переходом в новое, более сложное состояние. Современное сообщество все чаще предстает как динамический, процессуальный гибрид, одновременно органичный (в своей спонтанной, аффективной связи), механистичный (в подчинении правилам платформы) и мистический (в поиске сакрального смысла внутри цифрового опыта). Его стигматическая природа не исчезает, но источником «укола» становится сама цифровая среда, порождающая новые формы сопричастности – через общий мем, хештег, участие в челлендже или подписку на один канал. Задачей философской и социально-антропологической рефлексии становится теперь не только отслеживание этой метафорической диалектики, но и критический анализ того, как новые гибридные формы стигматизации используются для управления вниманием, конструирования идентичностей и формирования новых видов социальной власти.

Понимание сообщества как метафорически обусловленного стигматического процесса позволяет увидеть в кажущемся хаосе цифровой деконцептуализации рождение новых, устойчивых форм коллективности, чья концептуализация только начинается и требует учета как их технологической укорененности, так и их глубокой связи с архаическими пластами человеческого воображения о совместном бытии. Как писал Б. Андерсон, рассматривая нации как «воображаемые сообщества», их сила коренится в стиле, в котором они воображаются [Андерсон 2001, с. 31]. Сегодня этот «стиль воображения» все в большей степени определяется цифровыми медиа, что заставляет переосмысливать сами основы нашей сопричастности, вновь делая философский анализ метафор сообщества не просто академическим упражнением, но насущной необходимостью для понимания изменяющейся социальной реальности.

Список источников

- Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с итал. Д. Новикова. М. : Три квадрата, 2008. 144 с.
- Азимова М. М. Стратификационная стигма и ее социальные последствия // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. 2021. № 2. С. 31–39. EDN РМҮЕҲТ.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 286 с.
- Бланшо М. Неопишемое сообщество / пер. с фр. Ю. Стефанова. М. : Московский философский фонд, 1998. 78 с.
- Бэкон Ф. Новый Органон / пер. с англ. С. Красильщикова. М. : Соцэкгиз, 1938. 326 с.
- Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. с англ. М. С. Добряковой // Социологический форум. 2001. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 05.03.2026).
- Дроздов К. В. Шаги к спасению // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 172–181.
- Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М. : Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- Канторович Э. Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 752 с.
- Карсавин Л. П. Католичество ; Откровения блаженной Анджелы. Томск : Водолей, 1997. 250 с.
- Листвина Е. В. Социокультурные риски цифровизации современного общества // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 3. С. 78–82. EDN TORRBM.

- Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. ; Жуковский : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.
- Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / пер. с фр. Ж. Горбылевой. М. : Водолей, 2009. 208 с.
- Плужникова Н. Н., Саенко Н. Р. Техника: метафоры «машины» и «механизма» в истории философской мысли // *Философия и культура*. 2024. № 10. С. 51–60. DOI 10.7256/2454-0757.2024.10.72077.
- Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 359–618.
- Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. М. : Фонд Университет ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
- Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреч. И. Ю. Мельниковой. М. : Алетейя, 2002. 192 с.
- Ямпольская А. Жан-Люк Нанси, мыслитель сообщества // *Социологическое обозрение*. 2021. Т. 20, № 3. С. 349–352. EDN SGACTL.

Информация об авторе

Мария Александровна Ромашенко, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры «История и философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. (Саратов, Россия). SPIN-код: 7767-9583, AuthorID: 603128.

Information about the author

Maria A. Romaschenko, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the History and Philosophy Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 11.03.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 18.03.2026.

Принята к публикации | Accepted 18.03.2026.